

ПРЕДВАРЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Заметки о языке «Маленьких женщин»

Читая статьи, рассказы и особенно большую прозу, мы порой встречаем авторский прием, который называется лирическим отступлением и представляет собою полет мысли автора в высокие сферы, чаще всего весьма удаленные от предмета обсуждения. Я же позволю себе начать с лирического вступления.

Мы рождаемся на свет и сразу, еще до того, как начинаем это осознавать, погружаемся в незнакомую нам стихию родной речи, родного языка, так же как неопытный пловец погружается в неожиданно открывшееся перед ним водное пространство. Как и он, мы поначалу беспомощно барахтаемся в этой новой для нас стихии, постепенно привыкая, обретая знание и понимание среды, объявшей нас со всех сторон, обретая, наконец, и умение владеть ею достаточно свободно, чтобы существовать в ней спокойно и удобно. И как уже упомянутый пловец не сразу замечает, что температура воды и скорость ее течения постепенно изменяются — ведь его тело уже привыкло приспосабливаться к изменениям водной среды, — мы мало внимания обращаем на изменения, происходящие в привычной нам среде языковой. Нет, конечно же, мы замечаем появление в нашей речи новых слов, иногда даже возмущаемся: «Зачем было менять привычное *русское* слово „магазин“ на нелепое „универсам“?!» И — через несколько лет: «Ну вот, заменили привычный „универсам“ на какой-то там „супермаркет“!» А о замене *рус-*

ского «кафе» на «кофе-хаус» уж и говорить нечего! Я вовсе не против заимствований — они не страшны, ненужные все равно не приживутся, а нужные станут родными, как стали русскими «магазин» и «кафе», и я вообще собираюсь говорить не об этом.

Не замечаем мы исчезновения неповседневных, необходимых слов, не замечаем и изменений в темпе и в самом характере речи. Но увидеть, как поменялась наша речь, можно, читая литературу прошлых веков, вглядываясь в то, *что* и *как* сказано, удивляясь языку наших предшественников и не сердясь на них за то, что они говорят не совсем так, как мы.

Роман «Маленькие женщины» американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, который она называла семейной драмой, вышел в середине XIX века, в 1868 году, вскоре после окончания Гражданской войны между северными и южными штатами США. Книга создавалась «для детей и юношества», то есть для детей тринадцати лет и старше, и — несомненно — для их родителей, поскольку это книга о воспитании Человека. Язык книги несложен, хотя довольно значительно отличается от современного. И не только непривычными для нашего слуха словами, но и самим характером и строем речи. Вполне возможно, что без этого предварения (как сказали бы тогда!) читатель не заметил бы никаких особенностей, но обратите внимание: речь была более пространной, неспешной, предложения могли занимать 12–15 печатных строк, а порой и более, и в этих предложениях не исчезали такие союзы, как «что» (например, «Мне кажется, [что] она ни слова не поняла!»). В те времена люди не избегали использования обособлений в своих высказываниях — то есть вставных слов и выражений, делавших речь более раздумчивой или более вежливой и приятной собеседнику; некоторые теперь привычные нам выражения звучали мягче, — например, пожилую женщину,

никогда не бывшую замужем, называли не старой де-
вой, а старой девушкой; не принято было восклицать
удивленно-возмущенно «Да вы/ты что?!», а если по-
добным образом и восклицали, то более вежливо: «Да
что вы/ты?» На месте нынешнего винительного паде-
жа гораздо чаще употреблялся родительный, напри-
мер: «Чего же еще ждать от такого проказника?»; «Ему
никогда не приходилось слышать подобной музыки»;
«Чего желаете?» и т. п. Значительно чаще, чем сегодня,
употребляли, даже предпочитали полные формы лич-
ных местоимений в косвенных падежах: «со мною»,
«перед нею». И сослагательное наклонение в вопросах,
предположениях и просьбах: «Мне казалось бы, что
у вас хватает и вкуса, и таланта...» Да много еще всего.
Ну и конечно же, слова.

Не злоупотребляя стилизацией, я тем не менее
использовала в переводе — чтобы сохранить аромат
XIX века — некоторые широко употреблявшиеся в то
время и в тех общественных кругах слова и выра-
жения, например «скандализовать», «скандалёзный»
(не «скандальный!»). Синоним «возмущать» не пере-
дает полного смысла этого глагола, а прилагательно-
го теперь вообще не существует в русском языке. Оно
исчезло, как исчез тот общественный круг, где оно упо-
треблялось. Значение глагола «скандализовать» — воз-
мутить поведением, видом, поступком, не приличеству-
ющим данному обществу и могущим вызвать сплетни,
то есть «скандал», отсюда и «скандалёзное» поведение,
событие и т. п. Примерно то же можно сказать о почти
исчезнувшем глаголе «skonфузиться». Правда, он не
столь социально обусловлен, как упомянутый выше,
но значение его также не вполне передается синони-
мом «смутиться», поскольку смущаемся мы по многим
причинам, а сконфузимся — понимая, что сделали что-
то не так, как следовало бы. Встретится в романе и не-
обыкновенное теперь словечко «удоволен» (в псалме

XVII века), и просторечное «удрать (хитрую) штуку», «бивуак» (не «бивак»!), не говоря уже о все еще употребляемых, но явно «старинных» словах, вроде «весьма» или «ибо», тогда употреблявшихся гораздо чаще, чем теперь, и еще не казавшихся старинными. И естественно, в те времена местоимение «Вы» вместо «ты» использовалось не только в обращении детей к родителям, но и в отношениях между супругами и между юными леди и юными джентльменами (от 13 лет)!

Есть и еще особенность: текст романа изобилует неправильностями — стилистическими, орфографическими, пунктуационными. Неправильно говорит и пишет неграмотная служанка, путает и соединяет части разных «умных» слов одна из девочек, не овладевшая к тому же правилами письма и пунктуации. Есть несколько жаргонизмов того времени, например «настоящинский», «девахи». Замечу попутно, что грубо жаргонным считалось тогда слово «зубрить», утратившее теперь свой не совсем приемлемый в «приличном» обществе характер. Есть в романе и «домашние», то есть придуманные героинями и используемые в домашнем обиходе, слова — «влюбленничанье, влюбленничать», «поведаться» — вместо «исповедаться» и др.

Мне представляется, что эти особенности не только не затрудняют чтение книги, но делают ее еще более интересной, позволяя услышать речь людей из разных слоев тогдашнего общества и воочию увидеть то, о чем в ней повествуется как бы изнутри, из «раньшего времени». Интересна она и самим сюжетом — историей возрастания четырех сестер, «веселой шайки славных девах», и тем, как рельефно через эту историю проглядывают время, повседневный быт и самая жизнь нестоличной Америки второй половины XIX века.

Скажу еще несколько слов, теперь уже об авторе, о Луизе Мэй Олкотт. Собственно говоря, она сама рассказывает о себе в своем романе, поскольку он ав-

тобиографичен, и «семейная драма» описывает жизнь и атмосферу той семьи, где родилась в 1832 году и росла вместе с сестрами вторая из четырех дочерей, получившая имя Луиза Мэй. Однако не все в романе полностью совпадает с реальностью. Реальный отец четырех сестер не был священником: Эймс Бронсон Олкотт был довольно известным в свое время писателем, членом клуба трансценденталистов, который создали и возглавили такие крупные американские писатели, как Генри Дэвид Торо и Ральф Уолдо Эмерсон¹. Мать Луизы тоже не просто работала в Обществе помощи воинам во время Гражданской войны: вполне разделяя политические взгляды мужа, Эбби Мэй Олкотт была активной суфражисткой и аболиционисткой, то есть выступала за избирательное право для женщин и за освобождение негров-рабов.

¹ Трансцендентализм — философско-литературное течение, сформированное в XIX в. в США представителями радикальной интеллигенции бостонского «Трансцендентального клуба». Манифестом-эссе движения стал текст Ральфа Уолдо Эмерсона «Природа» (1836). Кроме Эмерсона (1803–1882), к трансцендентализму относятся Г. Д. Торо (1817–1862), Э. Б. Олкотт (1799–1888), Н. Готорн (1804–1864) и др.

Трансценденталисты объединились вокруг журнала «The Dial», просуществовавшего четыре года (1840–1844). По политическим воззрениям они были аболиционистами и индивидуалистами, разделяя культ фронта, т. е. политики освоения западных территорий, что сочеталось с американским патриотизмом и американской мечтой или — в случае разочарования — оборачивалось идеями эскапизма, ухода от реальности. В философии существенное влияние на трансценденталистов оказали идеи Канта и других представителей немецкого идеализма. Христианская религия превращалась у трансценденталистов в свод нравственных идеалов, не требующих для своего осуществления института церкви. Человек рассматривался как полноправный представитель гармоничного и динамичного космического начала, а Природа наделялась неисчерпаемой духовной силой. В приближении к не испорченной цивилизацией природе, в ее интуитивном переживании и разгадывании ее символических смыслов они видели пути нравственного очищения и постижения, по выражению Эмерсона, сверхдуши.

Луиза Мэй училась дома под руководством отца, и его влияние на девочку было столь же велико, как велика была их дружба. Писать и даже публиковать свои работы она начала рано — в романе об этом рассказывается весьма подробно, — но широкую известность в самой Америке и во всей Европе, включая Россию, принесла ей именно книга «Маленькие женщины» и ее продолжение «Юные жены».

Помимо писательской деятельности, Луиза Мэй Олкотт, как и ее мать, была активной суфражисткой и даже оказалась первой женщиной, зарегистрировавшейся для участия в выборах в городские органы управления в Конкорде (штат Массачусетс).

Умерла Л. М. Олкотт от менингита в марте 1888 года, прожив всего 55 лет. Умерла она в том же году и в том же месяце, что и ее отец, лишь тремя днями позже.

В заключение хочу добавить, что до сих пор, начиная с первой публикации перевода романа в России в конце XIX века (1898), книга переводилась на русский язык в основном как детская, в несколько упрощенном виде. А ведь она, как уже упоминалось, предназначалась не только подросткам, но и взрослым. Я стремилась избежать упрощений и надеюсь, что мне удалось это сделать.

И. Бессмертная

МАЛЕНЬКИЕ
ЖЕНЩИНЫ

*Открой же, книжечка, ворвавшись вдруг
В отмеченный веселием досуг,
Все то, что затаила ты в груди,
Благослови всех ищущих в пути, —
И пусть им радость выпадет одна,
Что нам с тобою не была дана.
Начни о Милосердье разговор —
Оно ведь в странствиях с давно забытых пор —
Пусть встретит юных барышень вдали,
Чтоб мир познали, мудрость обрели.
Направь к Создателю девицшек малых сих
Тропой, что помнит легкий шаг святых¹.*

¹ Перевод И. Куберского.

Глава первая

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— Ну, без подарков и Рождество — не Рождество, — проворчала Джо, растянувшись на ковре перед камином.

— Это так ужасно — быть бедными, — вздохнула Мег, опустив взгляд на подол своего старенького платья.

— А мне кажется, это несправедливо, когда у некоторых девочек так много всяких красивых вещей, а у других совсем ничего, — произнесла маленькая Эми, обиженно шмыгнув носом.

— Зато у нас есть папа и мама, а еще у нас есть... все мы друг у друга, — откликнулась из своего уголка Бет с очень довольным видом.

При этих словах четыре юных лица, озаренные яркими бликами пылавшего в камине огня, просветлели, но тотчас снова омрачились, когда Джо грустно возразила:

— Но ведь сейчас папы с нами нет и долго еще не будет! — Джо не добавила «может быть, никогда», но, как и каждая из сестер, про себя подумала об этом, ведь их отец был теперь очень далеко — там, где шли бои.

С минуту девочки молчали. Потом Мег сказала уже иным тоном:

— А вы знаете, почему мама предложила нам в это Рождество обойтись без подарков? Дело в том, что эта

зима будет для всех очень тяжелой, и мама полагает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, когда нашим мужчинам в воюющей армии приходится так страдать. Много мы сделать не можем, но можем принести свои маленькие жертвы, и сделать это надо с радостью. Только я боюсь, что с радостью... у меня не получится. — И Мег покачала головой, с грустью вспомнив о тех чудесных вещах, какие ей так хотелось иметь.

— А вот мне не кажется, что то небольшое, что мы могли бы потратить, пойдет кому-нибудь на пользу. У каждой из нас — всего-то по доллару, и армия не много выиграет, если мы ими пожертвуем. Я согласна вовсе не ожидать подарков ни от мамы, ни от вас, но мне так хочется купить себе книжку «Ундина и Синтрам» — я так давно о ней мечтаю! — сказала Джо, которая была настоящим книгоцелем.

— А я собиралась на мой доллар купить себе новые ноты, — сказала Бет, тихонько вздохнув, так, что никто ее вдоха не услышал, кроме метелки для каминной плиты и подставки для чайника.

— А мне хочется купить хорошую коробку фаберовских карандашей для рисования, — решительно заявила Эми. — Они мне на самом деле очень нужны.

— Мама совсем ничего не говорила про наши карманные деньги. Она и не захочет, чтобы мы отдали их все. Пусть каждая из нас купит то, что ей нужно, и у нас у всех будет порадостнее на душе. Ведь мы работаем не покладая рук, разве мы этого не заслуживаем? — воскликнула Джо, мужественно — как истый джентльмен — разглядывая набойки на своих башмаках.

— Еще бы мы не заслуживали! Я, например, чуть ли не целый день занимаюсь с моими нудными учениками, когда мне так хочется просто с удовольстви-

ем побыть дома! — начала Мег, снова обретя жалобный тон.

— Да тебе и вполовину не так тяжело, как мне, — перебила ее Джо. — Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с нервической, привередливой старой дамой, которая держит тебя на побегушках, вечно всем недовольна и доводит тебя до того, что ты готова выскочить в окно или разреветься?

— Нехорошо жаловаться, но мне, по правде говоря, кажется, что мыть посуду, бороться с пылью, убирать и приводить в порядок дом — самая худшая из всех работ на свете. Она превращает меня в злоку и делает мои пальцы такими негибкими, что я не могу как следует играть даже простые упражнения. — И Бет взглянула на свои огрубевшие руки с таким глубоким вздохом, что на этот раз его услышали все.

— А я ни за что не поверю, что кому-нибудь из вас приходится страдать больше меня! — воскликнула Эми. — Вам же не надо ходить в школу, где наглые девчонки вечно тебе досаждают, если вдруг урока не выучишь, смеются над твоими платьями и *клеют* на твоего папу за то, что он бедный. А еще — оскорбляют, если у тебя нос не такой уж красивый.

— Если ты хотела сказать «клевецуют» на папу, то так бы и говорила. При чем тут «клеят»? Папа ведь не банка с пикулями, чтобы на него наклейки делать! — смеясь, поправила сестру Джо.

— Я сама знаю, что хотела сказать, и незачем тебе делать мне такие *статистические* замечания. Это вполне прилично — использовать в разговоре хорошие слова, и нам надо улучшать свой *вокибиляр*, — с достоинством парировала Эми.

— Не надо клевать друг друга, девочки. Разве вам не хотелось бы, чтобы у нас были теперь те деньги, что пропали у папы, когда мы были совсем маленькими?

А, Джо? Боже мой! Как счастливы мы были бы, как радовались, если бы у нас теперь не было ни забот, ни хлопот! — произнесла Мег, которая помнила их лучшие времена.

— А ты на днях говорила, что мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, потому что они вечно дерутся и задирают друг друга, хотя их семья очень богата.

— Да, Бет, я это говорила. Ну что же, я и правда так думаю. Потому что, хоть нам и приходится работать, мы сами над собой подсмеиваемся, и вообще, мы — очень «веселая шайка славных девах», как выразилась бы Джо.

— Да уж, Джо любит жаргонные словечки, — заметила Эми, бросив неодобрительный взгляд на долговязую фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тотчас села, сунула руки в карманы и принялась насвистывать.

— Не надо так делать, Джо! Это просто мальчишество!

— Потому-то я так и делаю!

— Терпеть не могу грубых девиц, не умеющих вести себя, как подобает юной леди.

— А я не терплю аффектированных крошек с манерами «фу-ты ну-ты»!

— «Птички в тесном гнездышке не топорчат перышки, мирно живу-ут», — пропела миротворица Бет, скорчив такую смешную рожицу, что сердитые голоса спорщиц смолкли, сменившись смехом, и на этот раз сестры перестали «клевать» друг друга.

— И правда, девочки, — проговорила Мег, приняв строгий тон старшей сестры и явно решив прочитать им нотацию, — вы обе не правы. Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отбросить свои мальчишеские выходки и вести себя как подобает. Все это не имело большого значения, когда ты была маленькой,

но теперь, когда ты стала такой высокой и делаешь прическу, подбирая волосы повыше, тебе следует помнить, что ты уже юная леди.

— А вот и нет! Если новая прическа делает меня «юной леди», я буду носить две косы до двадцати лет! — вскричала Джо, срывая с головы сетку и выпуская по плечам пышную гриву каштановых волос. — Мне противна сама мысль, что я взрослею, что должна превратиться в мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной и прилизанной, как китайская астра в саду! Девчонкой быть само по себе ужасно, когда тебе нравятся мальчишьи игры, занятия, их манера вести себя. Какое разочарование, что я не мальчишка! А теперь мне и того хуже — ведь мне до смерти хочется быть там, где папа, сражаться вместе с ним! Но все, на что я способна, — это сидеть в четырех стенах и вязать носки, словно малахольная старая старуха.

И Джо потрясла недовязанным синим армейским носком так, что спицы заклацали друг о друга, словно кастаньеты, а клубок ниток покатился на другой конец комнаты.

— Бедняжка Джо! Это и в самом деле ужасно, но ведь тут ничем не поможешь. Так что тебе надо попытаться быть довольной хотя бы тем, что ты сделала себе мальчишье имя и взяла на себя роль нашего брата, — сказала Бет, поглаживая растрепанную голову сестры рукой, которую никакое мытье посуды и никакая борьба с пылью не могли лишить способности нежно успокаивать одним прикосновением.

— Что же до тебя, Эми, — продолжала Мег, — ты слишком чопорна и придирчива. Твое высокомерие кажется забавным сейчас, пока ты мала, но ты можешь превратиться в напыщенную маленькую гусыню, если не поостережешься. Мне нравится твоя воспитан-

ность и изысканная манера выражаться, но только не тогда, когда ты пытаешься выглядеть особенно элегантно. Ведь твои нелепые словеса так же неуместны, как жаргонные словечки Джо.

— Если Джо — просто сорванец, а Эми — гусыня, кто же тогда я, по-твоему? Скажи, пожалуйста! — попросила Бет, готовая принять свою порцию выговора.

— А ты — просто прелесть, и больше ничего! — с горячностью откликнулась Мег, и ни у кого не возникло возражений — Мышка была любимицей всей семьи.

Всем юным читателям нравится представлять себе, «как люди выглядят», так что воспользуемся моментом затишья и опишем, хотя бы вкратце, четырех сестер, сидящих в ранних сумерках за вязаньем, ни на миг его не прерывая, тогда как снаружи, за окном, тихо падает декабрьский снег, а внутри, в комнате, весело потрескивает огонь в камине. Комната удобная и приятная, хотя ковер уже выцвел, а мебель очень проста; однако стены украшают две-три хорошие картины, нишу заполняют полки с книгами, а на окнах цветут хризантемы и красные рождественские розы; здесь царит приятная атмосфера домашнего покоя и уюта.

Маргарет — то есть Мег, старшей из сестер, — уже исполнилось шестнадцать. Она очень хороша — пухленькая и беленькая, большеглазая, с прекрасными светло-каштановыми волосами, с нежным ртом и очень белыми руками, которыми она даже немножко гордится. Пятнадцатилетняя Джо отличается высоким ростом и худобой. Она смугла и напоминает жеребенка: кажется, что она никогда толком не знает, куда девать свои длинные ноги и руки, которые ей вечно мешают. Линия рта у нее решительная, нос — смешной, а серые глаза смотрят пронзительно и, как

представляется, видят абсолютно все, и взгляд их бывает то яростным, то веселым, а то задумчивым. Единственной красою Джо надо назвать длинные, густые каштановые волосы, но она всегда небрежно заталкивает их в сетку, чтобы не мешали и никому не попадались на глаза. Джо сутулится, кисти рук и ступни у нее крупные, одежда на ней свободно болтается, и выглядит бедняжка неловкой, неуклюжей, как обычно выглядит девушка, слишком быстро превращающаяся во взрослую женщину и весьма этим недовольная. Элизабет, то есть Бет, как все ее называют, — розовощекая, гладко причесанная, ясноглазая девочка тринадцати лет, застенчивая, с тихим голоском и умиротворенным выражением лица, почти никогда не нарушаемым. Отец называл Бет «маленькая Мисс Спокойствие», и это имя отлично ей подходило, потому что девочка, казалось, живет в своем собственном, полном счастья мирке, из которого решается выйти на встречу только тем, кому верит, тем, кого любит. Эми, хотя и самая младшая из сестер, считается в семье — во всяком случае, по ее собственному мнению — особой самой важной. Настоящая снегурочка — голубоглазая, с золотистыми волосами, волнами спадающими ей на плечи, бледнокожая и изящная, она всегда держит себя как юная леди, не забывающая о хороших манерах.

Каковы характеры четырех сестриц, нам еще предстоит выяснить.

Часы пробили шесть, и Бет, тщательно выметя каминную плиту, поставила на нее пару домашних туфель, чтобы они согрелись. Почему-то вид этих старых туфель подействовал на девочек самым благотворным образом: вот-вот должна была прийти мама, и лица сестер радостно просветлели в ожидании скорой встречи. Мег перестала читать нотации и зажгла

лампу. Эми выкарабкалась из глубокого кресла прежде, чем ей об этом напомнили, а Джо забыла о том, как она устала, поднялась и присела к камину, чтобы поддержать мамины туфли поближе к пылающему огню.

— Они совсем уже износились. Маменьке нужно купить новые домашние туфли.

— Да, я как раз подумала, не купить ли ей новую пару на мой доллар? — сказала Бет.

— Нет, я сама ей куплю! — крикнула Эми.

— Но ведь я — старшая... — начала было Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

— Сейчас, когда с нами нет папы, я в нашей семье мужчина, и это я обеспечу маму домашними туфлями, ведь папа велел именно мне особенно беречь маму, пока его нет.

— А я скажу вам, что мы сделаем. Пусть каждая из нас подарит маме то, что ей нужно, а мы обойдемся без ничего.

— Бет, милочка, ты — всегда ты! — воскликнула Джо. — Так что же мы купим маме?

Все на минуту погрузились в трезвые размышления. Затем Мег объявила так, будто эту мысль подсказал ей вид собственных белых ручек:

— Я подарю ей хорошенькие перчатки!

— Армейские туфли, самые лучшие! — выпалила Джо.

— Носовые платки, с каймой по краям, — сказала Бет.

— А я куплю ей маленький флакон одеколona. Мама любит одеколон, и он не очень дорогой, так что у меня еще и на карандаши останется, — добавила Эми.

— А как мы будем все это ей дарить? — поинтересовалась Мег.

— Положим все эти вещи на стол, введем маму в комнату и посмотрим, как она станет свертки распаковывать. Разве вы не помните, как мы это делали в наши дни рождения? — ответила Джо.

— А я всегда так трусила, когда приходил мой черед восседать в кресле с короной на голове и смотреть, как вы все входите торжественным шагом и приближаетесь, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне нравились подарки и поцелуи, но было так страшно распаковывать свертки, когда вы все сидели и смотрели, как я это делаю, — сказала Бет, готовившая к ужину подсушенные хлебцы: она подрумянивала над огнем ломтики хлеба и — вместе с ними — собственные щеки.

— Только пусть маменька думает, что мы покупаем что-то для самих себя, тогда все это будет для нее сюрпризом. Придется пойти за покупками завтра днем, Мег. Столько всего надо сделать, чтобы подготовить нашу пьесу к рождественскому вечеру, — сказала Джо, теперь шагавшая взад-вперед по комнате, заложив руки за спину и задрав сверху нос.

— Это будет последнее, что я берусь играть на сцене. Я уже не маленькая — я слишком взрослая для таких игр, — заявила вдруг Мег, которая, однако, оставалась еще достаточно ребенком, чтобы участвовать в веселых играх с переодеванием.

— А я уверена, что не в последний. Ты не перестанешь играть, пока можешь шествовать на виду у всех в длинном белом платье, с рассыпавшимися по плечам волосами и в «драгоценностях» из золотой бумаги. Ты у нас — самая лучшая актриса, и если ты уйдешь со сцены, придет всему конец, — сказала Джо. — Надо сегодня вечером еще порепетировать. Иди-ка сюда, Эми, повторим сцену с обмороком, а то ты в ней неподвижна, как чурбан.

— Что же я могу с этим поделать? Я ведь никогда не видела, как падают в обморок, и вовсе не жажду оказаться вся в синяках, грохаясь плашмя на пол, как это делаешь ты. Если я смогу упасть... слегка — я это сделаю, если нет — я грациозно упаду в кресло. И мне все равно, бросится на меня Хьюго с пистолетом или нет, — ответствовала Эми, не слишком высоко одаренная драматическим талантом, но избранная в актрисы потому, что была мала и злодей играемой пьесы мог легко унести ее, громко вопящую, прочь.

— Тогда сделай вот как. Сложи, как в молитве, руки и, шатаясь, иди по комнате с отчаянным криком: «Родриго, спаси! Родриго, спаси меня!» — И Джо двинулась прочь, с мелодраматическими восклицаниями, которые и правда звучали довольно волнующе.

Эми последовала ее примеру, но выставила перед собой негнущиеся руки и пошла по комнате, как-то механически подергиваясь, будто заводная кукла, а ее охи и ахи звучали так, словно в нее всаживают булавки, одну за другой, и она кричит не от мучительного страха, а от неожиданных уколов. Джо издала стон отчаяния, Мег рассмеялась, нисколько не скрываясь, а у Бет подгорел ломтик хлеба, пока она с интересом наблюдала эту забавную сцену.

— Бесполезно! — произнесла Джо. — Когда придет время, постарайся сыграть как можно лучше, а если кто-то из зрителей засмеется, я не виновата! Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло вполне гладко, так как дон Педро без сучка без задоринки бросил вызов окружающему миру, хотя вызов этот занял целых две страницы. Ведьма по имени Агарь прохрипела — с судьбоносным результатом — ужасающее заклинание над кипящим котлом, полным отвратительных жаб. Родриго мужественно разорвал на куски свои тяжкие цепи,

а Хьюго, мучимый совестью, выпил мышьяк и умер, с безумным предсмертным «ха-ха-ха!».

— Это наша самая лучшая пьеса из всех, — заключила Мег, когда мертвый злодей принял сидячее положение и потерял ушибленные локти.

— Не могу представить, как это у тебя получается — писать и играть такие великолепные вещи, Джо, ты просто настоящий Шекспир! — воскликнула Бет, твердо уверенная, что ее сестры одарены гениальными способностями буквально во всем.

— Ну, не совсем, — скромно отозвалась Джо. — Я и сама думаю, что «Проклятие ведьмы, оперная трагедия» получилась не так уж плохо, но мне хотелось бы поставить «Макбета»; ах, если бы только у нас был люк для появления Банко! Мне всегда хотелось сыграть главную роль в сцене с убийством. «Неужто вижу я кинжал перед собою?» — пробормотала Джо, вращая глазами и водя рукой в воздухе перед собой, как это делал знаменитый трагик, игру которого она недавно видела.

— Нет, это только вилка для подсушивания хлебцев, а на ней, вместо ломтика хлеба, мамина домашняя туфля! Бет просто зачарована театром! — воскликнула Мег, и «репетиция» закончилась общим хохотом.

— Очень рада, что вам так весело, девочки мои, — раздался от двери радостный голос, и актеры и зрители повернулись в ту сторону, с восторгом приветствуя высокую даму с матерински добрым лицом, которому было свойственно выражение «чем-я-могу-вам-помочь?», что придавало ему особое очарование. Одежда миссис Марч не была элегантной, но даже в этой выдавшей виды одежде она выглядела благородной, а девочки считали, что свободное серое пальто и немодная шляпка укрывают самую великолепную женщину на свете.